

Меню для избранных: как талант стал прислугой

Я хочу начать с главного. Я ни в коем случае не призываю к убийству. Всё, о чём я говорю — это не оправдание насилия, а попытка осмыслить то, что лежит глубже. Это рецензия. Моё понимание. Мой взгляд, сформированный не теорией, а прожитым опытом.

Фильм «Меню» — это не про еду. Это про мир, в котором настоящее искусство умерло, а его труп подают на фарфоровых тарелках за тысячи долларов. Это про талант, который был создан, чтобы вдохновлять, а стал обслуживающим персоналом для тех, кто перепутал деньги с властью, а власть — с божественностью.

Когда-то творчество было актом свободы. Теперь это услуга.

Шеф в этом фильме — не просто повар. Он художник, которого превратили в официанта. И в какой-то момент он понял, что его дар больше не принадлежит ему. Он принадлежит людям, которые не способны чувствовать, но готовы платить. Людям, которые считают, что, купив билет, они купили право понимать.

**И именно здесь начинается главная боль. Потому что это не кино.
Это реальность.**

В январе я была в Метрополитен-опере. После первого акта, мне хотелось плакать — не от красоты, а от фальши. От того, как голос, лишенный глубины, подаётся как искусство. Но вокруг — меха, смокинги, вечерние платья. Аплодисменты. Люди, которые искренне уверены: если они заплатили три тысячи за место в партере, вместе с этим они приобрели слух, вкус и понимание.

Но деньги не дают чувство. Они дают иллюзию значимости.

**Мы живём в мире, где деньги заменили Бога. Где талант загнан
в угол, если за ним не стоит капитал. Где гениальность — это
не вопрос глубины, а вопрос доступа.**

У меня есть племянник. И я вижу в нём потенциал, который мог бы вывести его на уровень второго Нуриева. Это не фигура речи. Это факт. Но есть одна деталь: у его матери нет денег. Она мать одиночка.

И в этом мире это означает приговор потому что сцена открыта не для тех, кто может, а для тех, кто оплачивает. И в то же самое время на эту сцену выходят дети богатых родителей. Без таланта. Без глубины. Без сути, но с правильной фамилией и нужными связями.

Достаточно вспомнить дочь одного президента, как человек без голоса и без дыхания в один день решил, что достоин великих сцен. И ведь получила же. Но не потому что талант, а потому что могла себе это позволить. И вот в этом месте становится физически противно, потому что ты начинаешь видеть систему. Без иллюзий. Без упаковки. Ты видишь, что так называемая «элита» — это не элита. Это люди, у которых есть деньги, но нет содержания. Люди, которые решили, что им можно всё. Врать. Оскорблять. Развязывать войны. Отмывать деньги. Смотреть на других сверху вниз, как на расходный материал. И никто им этого не запрещает. Почему? Почему обычному человеку нельзя, а им — можно? Чем они отличаются? Тем, что у них есть связи? Тем, что они научились извлекать прибыль из чужой жизни?

**Тогда возникает очень неудобный вопрос: где граница?
И существует ли она вообще?**

И здесь фильм «Меню» становится особенно точным. Он показывает не безумие. Он показывает предел талантливости человека. Тот момент, когда человек, у которого забрали всё — смысл, свободу, право быть собой — доходит до точки, где больше нечего терять. Это не про оправдание. Это про понимание механизма. Про импульс, который рождается, когда всё испробовано, и ничего не дало результата.

Я прожила в Северной Америке 13 лет. И за это время я начала понимать вещи, которые раньше казались дикими. Например, почему дети берут в руки оружие и идут в школы. Это не оправдание. Это констатация. Их боль никого не интересует. Их не слышат. Их не видят. Их лечат не вниманием, а таблетками. Психотропными. Потому что индустрия не может остановиться — она должна зарабатывать. Одноклассники травят. Общество игнорирует. Чувствительные дети — не выживают в этой системе, потому что у них нет панциря. И в какой-то

момент внутри них происходит разрыв. Это не делает их правыми. Но это делает систему виновной.

И тогда «Меню» перестаёт быть фильмом. Оно становится зеркалом. Зеркалом мира, где искусство продано, талант обесценен, чувствительность наказуема, а деньги стали единственным языком, который все понимают. И, возможно, главный ужас не в том, что произошло в финале. А в том, что каждый из нас где-то внутри понимает, как до этого можно было дойти.

И самое страшное не в том, что мир сошёл с ума. Самое страшное — что он считает это нормой. Что фальши аплодируют, пустота вознаграждается, а подлинность вытесняется как угроза системе.

Мы дошли до точки, где талант должен оправдываться, а посредственность — нет. Где человек, чувствующий глубже, становится неудобным, а значит — лишним.

И вот в этой точке у каждого возникает выбор. Не тот, что был у шефа. Гораздо сложнее. Продолжать играть в эту игру, делая вид, что ты не видишь. Или выйти из неё, даже если это означает потерю комфорта, статуса, одобрения, потому что правда всегда стоит дороже, чем билет в партер.

Этот мир не рухнет от одного выстрела. Он рухнет от накопленной пустоты. От бесконечного количества людей, которые однажды проснутся и откажутся платить — не деньгами, а своим вниманием, своим талантом, своей жизнью. И тогда всё, что держалось на иллюзии, просто рассыплется. Не с грохотом. А с тихим, почти незаметным звуком исчезающей лжи. И, возможно, именно в этой тишине впервые за долгое время появится настоящее искусство.

И тогда, в этом мире найдётся место для таких, как я — и для наших настоящих талантов. А посредственность уйдёт туда, где ей и место — в небытие.